

D 89

P.32395

*Писатели-патриоты
великой родины*



РУССКИЕ ПОЭТЫ

XVIII

ВЕКА

О Г И З



Гослитиздат 1943



РУССКИЕ ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

22395

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Л. ТИМОФЕЕВА



О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1943

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ЕГОЛИНА, Е. Н. МИХАЙЛОВОЙ,
И. Н. РОЗАНОВА,

СТАРОЕ, НО ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

(Русские поэты XVIII века о родине)

XVIII век — чрезвычайно своеобразный период в истории России. Это переломный период, полный кричащих противоречий, причудливых переплетений старого с новым. В те самые дни, когда Петр Первый уже обдумывал проект о создании Академии наук, в московской Славяно-греко-латинской академии в Заиконоспасском монастыре, например, еще изучали вопросы о том, растет ли в раю роза без шипов и почему во время потопа не погибли рыбы, хотя они не были сохранены в ковчеге Ноя. Наряду с учебниками математики, навигации, астрономии еще читалась книга Симеона Полоцкого «Венец веры кафолическия», в которой точно определялось «пространство неба» (85 710 миль, по пять верст в миле) и разъяснялось, что при воскресении мертвых вместе с ними воскреснут все волосы и ногти, остриженные ими в течение жизни.

Литературная жизнь имела в начале века еще только зачаточные формы. Журналов не было. Они появились лишь в конце второй половины столетия. В 1703 году возникла первая русская газета — «Русские ведомости», выходящая далеко не каждый день. Книги издавались единицами. До 1758 года не было года, в котором вышло бы более двух десятков названий книг за год. Литературный язык еще только складывался.

Но вся эта причудливая смесь старого и нового, великого и малого, смешного и трагического складывалась постепенно в единое и величественное целое:

*Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.*

(Пушкин. «Полтава»)

В тяжелой, требовавшей величайшего напряжения сил, борьбе с внутренней костью и с опаснейшими внешними врагами создавалось русское государство, крепла российская держава.

Именно в петровское время созрела самая идея государственности в русском национальном самосознании, вошли в употребление такие понятия, как «всенародная польза», «общее добро».

Служение государству, идея общественной пользы становились понятиями, определяющими отношение русского человека к обществу. Сам Петр говорил о своей деятельности прежде всего как о службе. «Я, как начал служить,—писал он после победы над шведами при Добром,—такого огня и порядочного действия наших солдат не слышал и не видал». В письме к Алексею он говорил: «За мое отечество и людей моих я живота своего не жалел».

В жизнь России со все большей силой входило начало высокого национального долга, подвига во имя общего дела. Во время войны со шведами 50 русских солдат под командой сержанта Преображенского полка Михаила Щепотева и капитана Бахтиарова вышли на разведку в море на пяти гребных лодках. Они увидели два шведских корабля, каждый из которых был вооружен четырьмя пушками; на каждом из них было по сто с лишним солдат. Неравенство сил было разительным. Однако русские бросились в атаку на шведские корабли. Бой кончился тем, что русские захватили один из этих кораблей, огнем из его пушек обратили в бегство другой и привели в Выборг захваченный корабль. На нем находилось семь русских солдат, управлявших кораблем (остальные были убиты или ранены), и двадцать семь сдавшихся в плен шведов (см. «Письма и бумаги Петра Великого», т. IV, в. I, стр. 399—406). Этот ярчайший пример русской военной доблести свидетельствует о том исключительном воодушевлении, с которым русская армия под водительством Петра отстаивала независимость своей родины. Борьба

эта требовала огромного напряжения. Очень точно охарактеризовал это время сам Петр в письме к Стрешневу: «Как ваша милость письмо сие получишь, изволь не помедля еще солдат сверх кои отпущены тысячи три или больше прислать в добавку, понеже при сей школе много учеников умирает; того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня».

Так было в начале века. Но и последующие годы были отмечены и бурным строительством новой культуры страны и напряженной борьбой с врагами, грозившими молодому, не окрепшему еще русскому государству. И если начало века было отмечено войной со Швецией, потрясшей еще не окрепшее здание русской государственности, воздвигнутое Петром, то конец его непосредственно соприкасается с теми испытаниями, перед которыми поставило Россию вторжение Наполеона¹.

В этой обстановке, требовавшей величайшего напряжения народных сил, развивалось творчество писателей того времени. Оно не могло не вобрать в себя пафос героики этого периода, не могло не отразить тех замечательных черт русского национального характера, которые выковывались в борьбе за родину.

Современному читателю понятно, конечно, какая пропасть отделяет его от писателей XVIII века в области социально-политических воззрений; достаточно сказать, что XVII век — это век наибольшего развития крепостного права и что никто из писателей, включенных в этот сборник, не выражал своего отрицательного к нему отношения. Повтому картины жизни России у них, естественно, имеют значительно более оптимистический характер, сравнительно с реальным положением вещей.

Увлеченные размахом развития культуры в России, писатели XVIII века искренно не видели многих противоречий своего времени, говорили главным образом о том, что им казалось положительным, и, так как в окружавшей их исторической обстановке действительно было много героического и величественного, их творчество вбирало в себя пафос и героику своего времени.

Вот почему при всей отдаленности от нас их идеологии, при всей чуждости для нас их монархической настроенности, при всей архаичности

¹ Повтому мы вводим в этот сборник стихи Державина и Карамзина, говорящие о наполеоновском нашествии, хотя формально они находятся уже за границей века.

их языка и синтаксиса, нередко затрудняющих современному читателю их понимание, мы все же ощущаем и своеобразную современность многого из того, что говорят нам устаревшие, на первый взгляд, их произведения.

Мы можем с полным основанием применить к ним известные слова Маяковского:

*В курганах книг,
похоронивших стих,
Железки строк случайно обнаруживая,
Вы
с уважением
ощупывайте их,
Как старое,
но грозное оружие.*

Их стихи родились в годы напряженной борьбы русского народа. Вот почему в наши дни, в дни второй отечественной войны, войны с опаснейшим врагом, вторгшимся в пределы нашей родины, мы находим в этих стихах близкие нам темы и настроения. В них проступают — при всем историческом различии — знакомые нам героические черты русского человека, и они по-новому тревожат и волнуют нас. В них течет та же «громкая победами кровь славян», которая кипит в груди наших бойцов, истребляющих врага на полях отечественной войны.

Архаические по форме, эти стихи во многом современны для нас по содержанию. В них мы находим выражение веками выработавшихся в борьбе с врагами России черт русского народа, его героизм, стойкость, мужество, его чувство высокой национальной гордости.

Мы вашей крови не жаждали,—

обращался в свое время Карамзин к французам, вторгшимся в пределы русской земли,—

*Но, кто оковы нам несет,
Умрем, или он сам падет!*

И эти слова звучат для нас, свидетелей потрясающей стойкости советского воина, как слова близкие и понятные.

*О русска грудь неколебима!
Твердейшая горы стена,
Скорей ты ляжешь трупом зрима,
Чем будешь кем побеждена.
Не раз в огнях, в громах, средь бою
В крови тонувши ты своей,
Примеры подала собою,
Что Россов в свете нет храбрей...—*

писал Державин, и кто из его читателей сейчас не вспомнит о 28 героических гвардейцах, которые все полегли на поле боя, но не пропустили вражеские танки.

Поэты XVIII века сумели выразить уверенность русского народа в своих силах, его гордость славным историческим прошлым:

*Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвергнуть наш предел...
(Ломоносов)*

*...Бывало, ведь и в прежни годы
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налоюм уз...
Был враг Чипчак (монгол)— и где Чипчаки?
Был недруг Лях—и где те Ляхи?
Был сей, был тот: их нет; а Русь?...
Всяк знай, мотай себе на ус...
...Так в тяжки оны дни Россия
Войной была окружена,
Как с всей Европою Азия
Была на нас ополчена.
Шли Галлы, Персы, Туркоманы,
Шел льстивый друг, шел тайный враг...
(Державин)*

И все же Россия выходила победительницей из всех испытаний, и Карамзин справедливо спрашивал, обращаясь к когда-то грозным разбитым врагам:

Где ваши Легионы Страх?

и отвечал:

Лежат безмолвно в недрах праха...

И тот же Карамзин прекрасно понял, в чем секрет победы. «Победами славна лишь справедливая война», — писал он и добавлял:

*Толпы героев и вождей
Война народная рождает.*

Поэты XVIII века, писавшие в эпоху, требовавшую от русского народа напряжения всех его сил, сумели полновесно охарактеризовать основные черты русского человека:

*О Росс! о добльственный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славою звучный,
Изящностью своих доброт.
По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастье тих, в несчастье бодр...*

(Державин)

Перелистывая страницы этих книг, на которых осела уже пыль веков, читатель находит в них и отклики на славные победы русских войск и образы их великих полководцев. Замечателен образ Суворова, которого Екатерина называла «стрелой, которая всегда попадает в цель», выразительно и лаконически нарисованный Державиным:

*Твой ли, Суворов, се образ побед?
Трупы врагов и лавры — твой след!
Кем ты, когда бывал побеждаем?
Все ты всегда, везде превозмог!*

Очень много говорят нам сейчас стихи, в которых нашла себе отражение борьба с наполеоновскими полчищами. Мы найдем в них и описание тех страданий, которые принес народу завоеватель, вторгшийся в Россию:

*Поля усеяны костями,
Все пламенем истреблено.*

(К а р а м з и н)

и изображение врага, который «уже своей победой дмился» и вслед затем позорно бежал, после того как он

*...Как тигр, на трупы гладный,
Предспеющий своей молве,
Шагнул к Днепру, шагнул к Москве.
Кровавы вслед моря струились,
И зарева по небу рдились...*

Исторический опыт России, запечатленный на этих страницах, неожиданно приближается к нам иногда настолько близко, что стихи о нем начинают звучать как своеобразное пророчество. Именно так воспринимаются сейчас стихи Ломоносова, написанные в годы, когда русские войска громили считавшиеся непобедимыми полки Фридриха:

*Европа, ныне восхищенна,
Внимая, смотрит на Восток
И ожидает, изумленна,
Какой определит ей рок...
Германия сему подобно
По собственной крови плывет
Во время смутно, неспособно,
Конца своих не видит бед.*

И снова приходят нам на память гордые слова Ломоносова, написанные им «На победы над королем прусским»:

*И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близь гремя, трясут.*

«Старое, но грозное оружие...» Славное героическое прошлое России возрождают в сознании читателя эти стихи, написанные больше чем сто лет тому назад, но заставляющие нас подумать о днях нашей современности. Горячее чувство любви к родине и к русскому народу, высокая патриотическая гордость его славными делами, которыми согреты эти стихи русских поэтов XVIII века,— вот то, что делает их живыми и для современного читателя и оправдывает издание этих, искренних и патриотических стихов.

Л. ТИМОФЕЕВ

М. В. ЛОМОНОСОВ

ИЗ ОДЫ... «НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА» 1739 ГОДА

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл,
В долине тишины глубокой.
Внимая некто, ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится...

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вокруг шумит;
В пучине след его горит;
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;

Скрывает небо конский пар!
Что ж в том? Стремглав без душ валятся.

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку,
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом.
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит, извившись сильным махом...

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже тряхнувшись легкий лист
Страшит его как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, Росская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Бои́тся собственного следа.
Тогда, увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лицо, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль Росская ужасна сила...

ИЗ ОДЫ... 1747 ГОДА

...В полях кровавых Марс¹ страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун² чудился,
Взирая на Российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна:
Сомненная Нева рекла:
Или я ныне позабылась
И с одного пути склѡнилась,
Которым прежде я текла?

Тогда божественны науки,
Чрез горы, реки и моря,
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды.
Монарх к себе их призывает;
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды...

О, вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих!
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов³
И быстрых разумом Невтонов⁴
Российская земля рождать!..

¹ Бог войны у римлян.

² Бог моря у римлян.

³ Знаменитый греческий философ (ок. 428—ок. 348 г. до н. в.).

⁴ Знаменитый английский ученый Ньютон (1642—1727).

ИЗ ОДЫ... 1748 ГОДА

...Однако дух еще стремится,
Еще кипит сердечный жар,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза, усугубь твой дар,
Гласи со мной в концы земные,
Коль ныне радостна Россия.
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы,
Гремящей насыщена славы
Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон
Своими чистыми струями
Шумя стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает
На степь, где Хинов¹ отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлеги локтем на Кавказ.

Се нашею, рекла, рукою
Лежит поверженный Азов;
Рушитель нашего покою
Огнем казнен среди валов.
Се знойные Иркански бреги,
Где варварски презрев набеги,
Сквозь степь и блата Петр прошел,
В средину Азии достигнул,
Свои знамена там воздвигнул,
Где день скрывали тучи стрел.

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,

¹ Китайцев

Где многие народы тшатся
Драгих мне. в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютои Борея¹,
Чудовищам дерзают вслед,
Где верх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает
Поднявшись с дна морского лед.

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где Лев гордящийся упал
С торжественных колесниц,
При коей в узах он держал
Сарматов и Саксонов пленных,
И двигал в мыслях вознесенных
Одной вселенную рукой.
Но пал; и токмо звук достигнул
Фракийских гор, и их подвинул,
Дунай с твоею быстринной.

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Златой порфиною блистает,
Покрыта лаврами глава.
Там равным жаром воспалены
Сердца, как храмы освещены
В исполненной утех ночи.
О сладкий век! О жизнь драгая!
Петрополь², небу подражая,
Подобны облистал лучи.

Сие Россия восхищенна
В веселии своем гласит...

¹ Бог северного ветра у греков.

² Петербург.

ИЗ ОДЫ... 1752 ГОДА

...Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на Восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок...

.....

ИЗ ОДЫ... 1754 ГОДА

...Уже великими крилами
Парящая над облаками
В пределы слава стран звучит.
Труды народы оставляют,
И гласу новому внимают,
Что промысл им чрез то велит.

Пучина преклонила волны,
И на берегах умолкнул шум;
Безмолвия все земли полны;
Внимает славе смертных ум.
Но грады Росские в надежде,
Котора их питала прежде,
Подвиглись слухом паче тех,
Верхами к высоте несутся
И тшатся облакам коснуться.

Москва, стоя в середине всех,
Главу великими стенами
Венчанну взводит к высоте,
Как кедр меж' низкими древами,
Пречудна в древней красоте.

ИЗ ОДЫ... 1757 ГОДА

...Ликуй, страна благословенна,
Всевышнего обетам верь;
Пребудешь оным покровенна,
Его щедротой счастье мерь;
Взирай на нивы изобильны,
Взирай в полки велики, сильны
И на размноженный народ:
Подобно как в Ливане кедры,
К трудам их крепки мышцы, бедра
Среди жаров, морозов, вод.

32395.
Свирепой Марс в минувши годы
В России по снегам ступал,
Мечом и пламенем народы
В середине самой устрашал:
Но ныне и во время зноя
Не может нарушить покоя;
Как сверженный гигант ревет:
Попран Российской ногою,
Стеснен как страшную горою,
Напрасно тяжки узы рвет.

ИЗ ОДЫ... 1759 ГОДА

(На победы над королем прусским)

...Парящей слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?
Еще ль смотря на рок Саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем.
Лишенный собственныя власти,

Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

Взирая на пожар Кистрина¹,
На протчи грады оглячись:
Что им не равная судьбина;
Не храбростью своей гордись.
Что земли, где твоя корона,
Не слышат гибельного стона,
Не видят пламенной зари,
Дивятся и в войне покою:
Победоносной над тобою
Монархине благодари...

От стран, родящих град и снега,
С Атлантской буря высоты
Стремится чрез бугристы бреги,
Являя страшные следы.
С дубами камни похищает,
И горы двигнув раздирает.
Налегши на морской хребет,
Волнам встречается волнами,
Песок валит со дна с китами;

Там в пене стонет новый свет.
Так Россов мужество в походы
Течет противников терзать;
И роет чрез поля и воды,
Услышав щедрю в гневе Мать.
Где ныне королевско слово,
Что страшно воинство готово
На запад путь наш прекратить?
Уже окровавленна Прегла
Крутясь в твоей земли пробегла
Российску силу возвестить....

¹ Немецкий город Кюстрин.

За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут;
И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близъ гремя, трясут,

Еще не⁶ допустя до року
С отвагой сопрягшись талан
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ран.
Цорндорфские пески глубоки,
Его и нашей крови токи
Соединясь, кипели в вас.
Нам правда отдает победу;
Но враг такого после вреду
Еще дерзает против нас....

Ни польские леса глубоки,
Ни горы Шлонские высоки,
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Через трупы к Франкфуртским сенам!

С трофея на трофей ступая,
Геройство Росское спешит.
О муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С Перуном¹ руки устремленным,
С Зарницей очи равно зрю.
Противник, следуя Борею,
Сказал: «Я буйностью своею,
Удар ударом предварю».

¹ Главное божество славян, бог грома и молнии; выше «перуны» в смысле — «грома орудий».

Подобно граду он густому
Летяще воинство стеснил,
Искал со стороны пролomu
И рвался в сердце наших сил.
Но вихря крутость прежестока,
В стремленьи вечного Востока
Коль долго простирает ход?
Обрушась тягостным уроном,
Внезапно с шумом, ревом, стоном,
Преобразился в сонмы вод.

Бегущих горды Пруссков плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи.
Главы валяются как листья,
Теперь с готовыми трубами
Перед Берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук!
Что ваш король, полки, снаряды,
Не могут вам подать отрады
Рассыпаны от наших рук.

О честь Российского народа!
В дни наши воинов пример,
Что силой первого похода
Двукратно сопостатов стер.
Тебе тот лавры уступает,
Кто протчим храбро исторгает;
Кто вне привыкнул побеждать,
При дверях дом свой защищая
И крайни силы напрягая,
Не мог против тебя стоять.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

(Отрывки из поэмы)

Пою премудрого Российского героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну;
Смирил злодеев внутрь и вне попраял противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных;
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.
К тебе я вопию, премудрость бесконечна,
Пролей свой луч ко мне, где искренность сердечна,
И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великого гласить вселенной вслух
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас неслыханны от века;
С каким усердием отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя.
Да на его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны владыки,
Познают, что монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях герой.
Дабы Российский род во веки помнил твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика дщерь его щедротой оживит...
...Уже белея понт¹ перед Петром кипит.
И влага уступить, шумя, ему спешит...
...Тогда пловущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаваньи сии слова вещал:
«Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана пройти покрыту льдами воду!
Хотя там кажется поставлен плыть предел;

¹ Море.

Но бодрость подают примеры славных дел.
 Полденный света край обшел отважный Гама,
 И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
 Герои на морях Колумб и Магеллан¹
 Коль много обрели безвестных прежде стран;
 Подвигнуты хвалою, исполнены надежды,
 Которой лишены пугливые невежды,
 Презрели робость их, роптанье и упор,
 Что в них произвели болезни, голод, мор...
 Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
 Меж льдами новый путь откроют на Восток,
 И наша досягнет в Америку держава;
 Но ныне настоит в войнах иная слава».

Надежды полный взгляд слова его скончал,
 И бодрый дух к трудам на всем лице сиял...

ИЗ ОДЫ... 1761 ГОДА

Посмотрим в Западны страны
 От стрел российский Дианы²,
 Из превеликой вышины
 Стремглавно падают Титаны;
 Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
 Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,
 Ты, звук летающего строя,
 Ты, Шпроя, хитрая река,
 Спросите своего героя:
 Что может Росская рука...

¹ Гама (ок. 1460—1524.), Колумб (ок. 1451—1506.) и Магеллан (ок. 1480—1521) — знаменитые мореплаватели.

² Богиня охоты у греков; здесь — русская царица, стрелы которой поражают врагов — немцев.

ИЗ ОДЫ... на 1762 ГОД (ПЕТРУ III).

... Хребты полей прекрасных, тучных,
Где Волга, Дон и Днепр текут,
Дел послухи Петровых звучных,
С весельем поминая труд,
Тебе обильны движут воды,
Тебе, монарх, плодят народы,
Несут довольство всех потреб,
Что воздух и вода рождает,
Что мягкая земля питает,
И жизни главну крепость — хлеб.

Там мерзлыми шумит крылами
Отец густых снегов Борей,
И отворяет ход меж льдами
Дать воле путь в Восток твоей...
Тебе от верной глубины
Руками плещут воды белы;
Ликуют западны пределы,
Предвидя счастье войны.

Европа ныне восхищенна,
Внимая, смотрит на Восток,
И ожидает, изумленна,
Какой определит ей рок...
... Когда по глубине неверной
К неведомым брегам пловец
Спешит по дальности безмерной;
И не является конец;
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и в воздухе приметы.
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву...

Германия сему подобно
По собственной крови плывет,
Во время смутно, неспособно,
Конца своих не видит бед...

ИЗ ОДЫ... 1762 ГОДА

(Екатерине Второй)

...Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов;
Толь дом твой в недрах безопасен.
Ты вне гроза, ты внутри покров.
Полки сражая, вне воюешь;
Но внутри без крови торжествуешь.
Ты буря там, здесь тишина...

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого алтаря...

Герои храбры, и усерды,
Которым промысл положил
Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил,
В зашиту нашей Героине.
Красуйтесь, веселитесь ныне:

На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греметь в подсолнечной концы.

СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ В ОТВЕТ АНАКРЕОНУ ¹,
ПРОСЯЩЕМУ ЖИВОПИСЦА НАРИСОВАТЬ ПОРТРЕТ
ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон;
Но счастливее ты собою
Через приятный лиры звон.
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первый,
Ты первый в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой ².
Изобрази Россию мне!
Изобрази ей возраст зрелый
И вид в довольствии веселый,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу,
Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть;
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить;

¹ Греческий поэт, прославлявший вино, любовь, личные радости человеческой жизни (580—495 до н. э.).

² Богиня мудрости у римлян.

Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой.

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны;
И полны живости уста
В беседе важность обещали,
И так бы слух наш ободряли,
Как чистый голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей.

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям положить конец.
О коль изображение сходно,
Красно, любезно, благородно.
Великая, промолви, Мать,
И повели войнам престать.

ИЗ ПОСВЯЩЕНИЯ РИТОРИКИ (1748 г.)

Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем он ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы Российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся. Сим обнадежен, предпринял я в сочинение сего руководства; но больше в таком намерении, чтобы другие, увидев возможность, по сей малой стезе в украшении Российского слова дерзновенно простирались.

ИЗ ПОСВЯЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКИ

(1754 г.)

Повелитель многих языков язык Российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным Россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто не упрежденный великими о других мнениями прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл пятый Римский Император говаривал, что Ишпанским языком с богом, Французским с друзьями, Немецким с неприятельми, Италиянским с женским полом говорить прилично. Но, естли бы он Российскому языку был искусен, то конечно к тому присокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепии Ишпанского, живость Французского, крепость Немецкого, нежность Италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческого и Латинского языка... Сильное красноречие Цицероново¹, великолепная Virгилиева² важность, Овидиево³ приятное витийство не теряют своего достоинства на Российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто от часу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или лучше сказать едва пределы имеющее море.

¹ Римский оратор (106—43 до н. э.).

² Римский поэт (70—19 до н. э.).

³ Римский поэт (43 до н. э.—17 г. н. э.).

ИЗ СЛОВА О ПОЛЬЗЕ ХИМИИ (1751 г.)

Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает. Простирайте надежду и руки ваши в мое недра и не мыслите, что искание ваше будет тщетно. Воздают нивы мои многократно труды земледельцев, и тучные поля мои размножают стада ваши, и леса и воды мои наполнены животными для пищи вашей; все сие не токмо довольствует мои пределы, но и во внешние страны избыток их проливается: того ради можете ли вы помыслить, чтобы горы мои драгими сокровищами поту лица вашего не наградили. Имеете в краях моих, к теплой Индии и к ледовитому морю лежащих, довольные признаки подземного моего богатства. Для сообщения нужных вещей к сему делу, открываю вам летом далеко протекающие реки и гладкие снега зимою подстилаю. От сих трудов наших ожидаю приращения купечества и художеств; ожидаю вящего градов украшения и укрепления и умножения войска; ожидаю и желаю видеть пространные моря мои покрыты многочисленным и страшным неприятелю флотом, и славу и силу моего державы распростерть за великую пучину в неведомые народы. Спокойна буди о сем, благословенная страна, спокойно буди дражайшее отечество наше.....

ИЗ СЛОВА ПОХВАЛЬНОГО... ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Пространная Российская держава на подобие целого света едва не отовсюду великими морями окружается, и оные себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные Российские флаги. Там великих рек устья и новые пристани едва вмещают судов множество; инде стонут волны под тягостью Российского флота и в глубокой пучине огнедышащие звуки раздаются. Там позлащенные и на подобие весны процветающие корабли, в тихой поверхности вод изображаясь, красоту

свою усугубляют; инде достигнув спокойного пристанища плаватель удаленных стран избытки выгружает к удовольствию нашему. Там новые Колумбы к неведомым берегам поспешают, для приращения и славы Российской; инде другой Тифис¹ между сражающимися горами плыть дерзает; со снегом, со мразом, с вечными льдами борется и хочет соединить Восток с Западом.

Откуда толикая сила и слава Российских флотов по толь многим морям в краткое время распространилась? Откуда материи? Откуда искусство? Откуда махины и орудия, нужные в толь трудном и многообразном деле? Не древние ли исполины, вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по берегам повергли к строению? Не Амфион² ли сладким лирным игранием подвигнул разнovidные части к сложению чудных крепостей, летающих чрез волезы? Таким бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, если бы такое невероятное и выше сил человеческих быть являющееся дело в отдаленной древности приключилось, и не было б в твердой памяти у многих очевидных свидетелей и в письменных без всякого изъятия достоверных известиях.. Я в поле меж огнем, я в судных заседаниях меж трудными рассуждениями, я в разных художествах между многоразличными махинами, я при строении городов, пристаней, каналов между бесчисленным народом множеством, я меж стенанием валов Белого, Черного, Балтийского, Каспийского моря и самого океана духом обращаюсь, везде Петра Великого вижу, в поте, в пыли, в дыму, в пламени; и не могу сам себя уверить, что везде Петр, но многие, и не краткая жизнь, но лет тысяча...

¹ Т и ф и с — в античной мифологии кормчий, который должен был провести корабль между Симплегадами — скалами, которые непрерывно сближались и расходились. Ему удалось спасти корабль от гибели.

² В античной мифологии — музыкант, игравший на лире так, что даже камни были тронуты его игрой.

А. П. СУМАРОКОВ

ИЗ ОДЫ... 1752 ГОДА

Пусть молнии по сфере блещут,
В дуброве слышен ветров лом,
Леса и горы вострепещут,
И поколеблет землю гром,
Не убоятся храбры Россы
И свергнут стены и колоссы,
Являя свой геройский труд:
Победу сильну кровью купят,
На василиска зла наступят,
Льва, тигра, асида попрут.

Периклов и Алкивиядов ¹
России суждено родить:
Противу неприступных градов
Ступайте, Россы, побеждать.
Сыны Российския Алькмены ²,

¹ Знаменитые греческие государственные деятели.

² В античной мифологии — возлюбленная Зевса, мать богатыря Геракла (Геркулеса).

Проломят самы тверды стены
И гордости низложат рог,
Неправду, злобу востревожат
И лютых Гидр они низложат...

ИЗ ДИФИРАМБА... 1763 ГОДА

Принимаюся за лиру,
Возглашу пространну миру
Я империю сию:
Возыграю оной славу
И Российскую державу
Велегласно воспую...

Из Амура Росс выходит,
Росские суда выводит
И к Нифону держит путь:
Бури моря не терзают,
Сильны ветры не дерзают
В паруса противу дуть.
Во края плывем азийски
По восточным мы валам,
Пристают суда Российски
К Филиппинским островам.

Росску скипетру услуга
Трех частей земного круга
К миру и против врагов.
За протоком океана
Росска зрю американа
С азиатских берегов.
Тщетно глубины утроба
Мещет бурю, скорбь и глад,
Я у Берингова гроба
Вижу флот, торги и град.

Е. И. КОСТРОВ

ИЗ ЭПИСТОЛЫ... СУВОРОВУ «НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА»

Суворов. Громом ты крылатым облечен,
И молний тысячью разящих ополчен,
Всегда являешься во блеске новой славы,
Всегда виновчик нам торжеств, отрад, забавы.
Ты, реки огненны пуская на врагов,
Свистящих тучи ядр на твердость их холмов,
Соратным предтечешь, покрыт геройским потом,
И ставишь грудь свою отечества оплотом,
Ты в подвигах, трудах, среди бранных туч без сна;
А мы, чуть знаем мы, что есть у нас война, —
Такое чрез тебя спокойствие вкушаем.
Ты в лаврах, мы себе и мирт и пальм срываем.
И, если знаем мы, что Россы средь полей,
Что в юге страшна брань, свирепствует Арей¹,
Так весть о том дают твоих побед нам громы,
На крыльях радостных в отечество несомы...
Позволь, дражайший граф, миролюбивой музе,

¹ Бог войны у греков.

Живущей с нежностью и тишиной в союзе,
Сражений бурных звук от мыслей удалить
И взор души от рек кровавых отвратить,
Чтоб в точность описать, как пала злоба горда
Пред громоносцами венчанна славой Норда¹,
Как друг Очакова, ужасный исполин,
Могущий заменить сто крепостей един,
Грозящий облакам надменною главою,
Стремящ из челюстей каленый вихрь со мглою,
Упрямый Измаил, всю твердость погубя,
Пресилен, наконец, повержен от тебя;
Как воины твои или орлы пернаты,
Чрез рвы, на крутизну, на горды, тверды скаты
Против мечей, штыков, против циклопских стрел,
Которы злобный ад во гневе изобрел,
По гласу твоему летели, устремлялись,
Быстрее стрел неслись и лавром увенчались.
Повсюду огненный смертей рассыпав дождь,
Являя, кто они и кто их в поле вождь;
Как ревностный Дунай, победы нам радея,
Струями влажными, играя, пламенея,
Восторгов радостных и бранна звука полн,
Твой гром спешил принести в пучину черных волн,
Да Росских кораблей крыле ему соплещут,
И ребра твердые Стамбула вострепещут,
Чтоб все толь дивные, толь страшные дела,
Которым в поздний род бессмертие, хвала,
Представить, описать, воспеть согласно, стройно,
Одной Гомерово² трубе греметь достойно;
Из молний должно быть перо сотворено...
Прочти мои стихи, победами рожденны,
Всеобщую к тебе любовью воскрыленны,
В них чувства мои, в них чувства граждан всех,
К тебе защитнику спокойства и утех.

¹ Севера.

² Знаменитый греческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи».

Умеешь побеждать, люби побед награду,
Прочти с улыбкою миролюбива взгляду,
Я удостоюся тогда таких похвал,
Как будто бы и я турецку крепость взял.

В. П. ПЕТРОВ

ИЗ ОДЫ... НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА СО ШВЕДИЕЙ 1790 г.

...Дщерь мира, дщерь гремящей брани,
И мать бесчисленных племен,
Восстань, Россия, днесь восстани
И двигни силою рамен.
Руки величественной взмахом,
Могущей злость смесити с прахом,
Во грудь преступника ударь,
Чтоб сделавший себя кумиром,
К стопам твоим пред целым миром
Упал высокомерный царь...¹

Как кедры, кои средь долины,
Иль гор на высотах росли,
Крылаты моря исполины
Се месть на Гота понесли;
Ступают, и стопы их мерны,
Их око, их удары верны,
Вид грозна строя, не толпы.

¹ Шведский царь Густав.

Гремят и гром терять блюдутся,
То сойдутся, то разойдутся,
Как в небе огненные столпы.

...И малочислие их флота
Приводит в ваяцу ярость Гота,
На бой он рвется всякий час,
Но Росс отважен, бодр, обратлив,
Победоносен всякий раз...

Г. Р. Д Е Р Ж А В И Н

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит,
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары,
Дрожит земля, сноп искр течет,
Клокочут реки рдяной лавы,
О Росс! Таков твой образ славы.
Что зрел под Измаилом свет...

На подвиг твой, вождя веленьем,
Ты идешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
Что и в бедах твой весел зрак...
Где вокруг драконы медны ржали,
Из трех сот жерл огнем дышали,
Ты там прославился днесь вновь.
Вождь рек: «Се стены Измаила».

Да сокрушит твоя их сила...»
И воскипела бранна кровь.

Как воды с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину, —
К твердыням Россы так текут.
Ничто им путь не воспящает ¹:
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним,
Идут — как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы,
Под ними стон, за ними дым.

О! Что за зрелище предстало?
О пагубный, о страшный час!
Злодейство, что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на вас:
Зрю камни, ядра, вар и бревны.
Но чем герои уstraшены?
Чем может отражен быть Росс?
Тот лезет по бревну на стену,
А тот летит с стены в геенну,
Всяк Курций, Деций, Буарос... ²

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдяна,
У тех пылает огонь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,
Под молниями, под громами, —
Которых с самых юных дней
Питала слава, юность, вера.
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных преи?

¹ Преграждает.

² Знаменитые герои.

...Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река,
На огонь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака:
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молнии освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид как вшел в Измаил Росс!..

...Услышь, услышь, о ты, вселенна,
Победу смертных выше сил;
Внимай, Европа удивленна,
Каков сей Россов подвиг был...

...О, кровь Славян! Сын предков славных,
Несокрушаемый колосс,
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете Росс!
Твои коль славны древни следы,
Громчай суть нынешни победы.
Зрю вокруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр¹ ты преклоняешь,
Вселенной на среду² ступаешь
И досягаешь до небес...

...А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет:
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдалении

¹ Крым.

² Середину.

Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огонь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

*(Застольная воинская песнь,
написанная в честь Румянцева и Суворова)*

По северу, по югу
С Москвы Орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребята,
Вам, русские солдаты,
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:

За здравье ваше пьем!

Орел бросает взоры
На Льва и на Луну¹,
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.

О! исполать вам, вой,
Бессмертные герои,
Румянцов и Суворов,
За столько славных боев:

Мы в память вашу пьем!

Орел глядит очами
На солнце в высоты;
Герсы под шлемами —
На женски красоты.

¹ Гербы Швеции и Турции.

О! исполать, красотки,
Вам, русски Амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
Здоровье ваше пьем!

НА ПЕРЕХОД АЛЬПИЙСКИХ ГОР

...О радость! Муза, дай мне лиру,
Да вновь Суворова пою:
Как слышен гром за громом миру,
Да слышит всяк так песнь мою!
Побед его плененный слухом,
Лечу моим за ним я духом
Через доли, холмы и леса;
Зрю — близ меня зияют ады,
Над мной шумящи водопады,
Как бы склонились небеса.
Идет в веселии геройском
И тихим манием руки,
Повелевая сильным войском,
Сзывает вокруг себя полки.
«Друзья!» он говорит: «Известно,
Что Россам мужество совместно;
Но нет теперь надежды вам.
Кто вере, чести друг неложно,
Умреть иль победить здесь должно» —
«Умрем!» — клик вторит по горам..
...Ведет в пути непроходимом
По темным дебрям, по тропам,
Под заревом, от молнии зримом,
И по бегущим облакам;
День — ночь ему среди туманов,
Ночь — день от громовых пожаров;
Несется в бездну по вервям,
По камням лезет вверх из бездны;

Мосты ему — дубы зажжены;
Плывет по скачущим волнам.
Ведет под снегом, вихрем, градом,
Под ужасом природы всей;
Встречается спреди и рядом
На каждом шаге с тьмой смертей;
Отвсюду окружен врагами,
Водой, горами, небесами,
И воинством противных сил.
Вблизи падут со треском холмы,
Вдали там гулы ропщут, громы,
Скрежещет бледный голод в тыл...
...Ведет туда, где ветер не дышит
И в высотах и в глубинах,
Где ухо льдов лишь гулы слышит,
Катящихся на крутизнах.
Ведет — и скрыт уж в мраке гроба,
Уж с хладным смехом шепчет злоба:
Погиб средь дерзких он путей!
Но Россу где и что преграда?
С тобою бог — и гор громада
Раздвиглась силою твоей.
...Из мраков восстают Стигийских ¹
Евгений, Цесарь, Ганнибал ²;
Проход чрез Альпы войск Российских
Их души славою обуял.
«Кто, кто», — вещают с удивленьем, —
«С такою смелостью, стремленьем
Прешел против природы сил
И вражьих тьмы попрал затворов?
Кто больше нас?» — Твой блеск, Суворов,
Главы их долу преклонил.
Возьми кто летопись вселенной,
Геройские дела читай;

¹ Из прошлого.

² Знаменитые полководцы: Евгений Савойский (1663—1736), Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), Ганнибал (247—183 до н. э.).

Ценя их истиной священной,
С Суворовым соображай.
Ты зришь: тех слабость, сих пороки
Поколебали дух высокий;
Но он из младости спешил
Ко доблести простерть лишь длани¹;
Куда ни послан был на брани,
Пришел, увидел, победил...

СНИГИРЬ

(У Державина был снигирь, умевший петь одно колено военною марша. Услышав, после смерти Суворова, его песню, Державин, по его словам, и написал это стихотворение памяти Суворова)

Что ты заводишь песню военну.
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на гяену?
Кто теперь вождь наш? кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью Россиян все побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом;
Скиптры давая, зваться рабом;
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнуорять?

¹ Руки.

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь:
Бранна музыка днесь не забавна:
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! Что воевать?

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ
«АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ»

Платов! Европе уж известно,
Что сил донских ты страшный вождь:
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Падешь как снег ты с туч иль дождь;
По черных воронов полету,
По дыму, гулу, мхам, звездам,
По рыску волчью, видя мету,
Подходишь к вражьи́м вдруг носам
И, зря на туск, на блеск червонца,
По солнцу иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаул¹,
И тайный ставишь караул.
В траве идешь — с травою равен;
В лесу — и равен лес с главой;
На конь вскочнешь — конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой.
По камню ль черну змеем черным
Ползешь ты в ночь — и следу нет;
По влаге ль белой гусем белым
Плывешь ты в день — лишь струйка след:
Орлом ли в мгле паришь сгущенной —
Стрелу сечешь ей вслед пущенной
И, брося петли округ шей,
Французов удишь, как ершей...

¹ Разведка.

...Что ж стал? — Борза ль коня не стало?
Возьми ковер свой самолет.
Ружейного ль снаряду мало?
Махни ширинкой, лес падет.
Запаса ли не видишь хлеба?
Гложи железны просфиры.
Жупан ли, епанча ль потребна?
Сам невидимкой все бери.
Сапог нет? Ступни самоходны
Надень, перчатки самородны,
И дуй на огонь, на мраз, на глад:
Российской силе нет преград.
Бывало, ведь и в прежни годы
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогом уз...
Был враг Чипчак — и где Чипчаки? ¹
Был недруг Лях — и где те Ляхи?
Был сей, был тот: их нет; а Русь?...
Всяк знай, мотай себе из ус... ²
...При Святославиче Добрыня
Убил дракона в облаках;
Чернец Донского — исполина
Татарского поверг во прах;
Голицын, Шереметев, Львовы ³
Крушили зубы в дни Петровы; —
Побед Екатерины лавр:
Чесма, Кагул, Крым, Рымник, Тавр... ⁴
...Пусть звук ужасных днешних боев
Сподвижников его героев
Мой повторяет холм и лес,
И гул шумит, как гром небес!

¹ У Державина — монголы, точнее половцы.

² Вариант: «Француз, мотай себе на ус».

³ Генералы Петра I.

⁴ Названия мест, где русской армией и флотом были одержаны крупнейшие победы.

Корабль как в пенном, шумном море,
 Подобно скорлупе в волнах,
 Носящийся стихив в споре,
 Тонущий в бездне, в облаках,
 В разверзты низвергаясь пасти,
 Мрак ада видит пред собой,
 Треск внемлет ребр, дна, скрипы снасти
 И с мачт ток молний струей;

Иль как лесов в трущобе львица,
 Объемлема пожаром вкруг,
 Вздымая гриву, взор чудится,
 Вняв дров паденье, грохот, стук,
 И что бежит к ней ржущий пламень
 На грудь, на чресла и из тыл,
 Стоит недвижима, как камень,
 Но не теряет духа сил, —

Так в тяжки оны дни Россия
 Войной была окружена,
 Как с всей Европою Азия
 Была на нас ополчена.
 Шли Галлы, Персы, Туркоманы,
 Шел льстивый друг, шел тайный враг,
 Наполеоном обаянный,
 К нам взнесшим свой гигантский шаг.

И победитель сей кичливый,
 Как вал, что, из струи родясь,
 Чем далее в путь свой тек строптивый,
 Тем больше грозным становясь,
 Так взрос побочных вод приливом,
 Что будто некий страшный холм
 Под тени своея нагибом
 Блеск солнца затмевал челом.

Унизя Рима и Германий
 Так дух, что ими вьявь и втай

¹ С Наполеоном.

Господствуя, несыты длани
Простер и на полночный край.
И зрел ли он себе препону,
Коль мог бы ветру колебнуть,
Любовь к отечеству и к трону?
Но он ударил в русску грудь!
О русска грудь неколебима!
Твердейшая горы стена,
Скорей ты ляжешь трупом зрима,
Чем будешь кем побеждена.
Не раз в огнях, в громах, средь бою
В крови тонувши ты своей,
Примеры подала собою,
Что Россов в свете нет храбрей...
...Поэзии дальновидный Гений
Грядущу мне предрек судьбу:
Падет Европа на колени
Пред тем, кто прекратит борьбу
И ток прольет в ней дней блаженных.
Се уж парит его орел!
О радость! в туле дев священных
Зрю тучи сладких сердцу стрел!

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ
«ГИМН ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ
НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА»

...Что се? Стихий ли борьба?
Брань с светом тьмы? добра со злобой?
Иль так рожденные утробой
Коварств, крамола, лесь, татьба
В ад сверглись громом с князем бездны,
Которым трепетал свод звездный,
Лишались солнца их лучей?

От пламенных его очей
 Багрели горы, рдело море,
 И след его был плач, стон, горе!
 Иль Галл¹, творец то злых чудес,
 Похитивший у ветра крылы,
 У доблести, у веры силы,
 Скиптр у царей, гром у небес,
 У правосудия законы?
 Изгнав к отечеству любовь,
 Растлил всех дух, оподлил кровь,
 Став хищна раб Наполеона, —
 Возмнил быть царь вселенной трона?
 Так — он, то Галл с своим вождем:
 Навергнув на царей ярем
 И всю почти пленя Европу,
 Дал страшному Атропу²
 Не раз его же кровью пир;
 Прервал звук нежных лир,
 Пресек спокойствие, торги, труд сельский, мирный
 И, в блеск разбойника порфирный
 Одев, возвел на трон, —
 То был Наполеон.
 Он...

на спокойну зря Россию,
 Что перед ним одна не клонит выю,
 Вспылал, простер завистну длать —
 И дхнул из зева брань.

Уже, как смрадных тучи пруг³,
 Его летящи легионы
 Затмили свет, иль быстры волны
 Как рек пяти шумящих вдруг
 Через Неман прорвались преградный.

¹ Французь.

² У Державина Атроп — смерть (точнее — богиня судьбы в греческой мифологии).

³ Саранча.



2 руб.

